

«РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА»
И НОВГОРОДСКО-НОРВЕЖСКИЕ ДОГОВОРЫ 1251 и 1326 гг.*

Текст, о котором пойдет речь, в русской историографии известен как «Разграничительная грамота». Он находится в рукописи 114а 4° коллекции Арнамагниани из Копенгагенского университета.¹ Это пергаменная рукопись первой половины XIV в. В этом коротком тексте новгородская и норвежская границы в Финмаркен и на Кольском п-ове очерчены по показаниям местных жителей этого региона — норвежцев и саамов, что объясняет название «Разграничительная грамота». Документ также дает представление о том, как взымалась дань с живущих в этом регионе саамов. Судя по этому тексту, Новгород имел границу далеко к западу: у Люнгстуэна на северо-западе современной Норвегии. В то же время Норвегия сходным образом имела границу, скорее всего, у реки Вялы (Виелайоки) на южном берегу Кольского п-ова в Кандалакшском заливе Белого моря.² Очевидно, что эти две перекрывающие друга друга границы обозначают ограничения в сборе дани для обеих сторон. Внутренняя территория между ними однозначно понималась как огромная единая общность.

Реалии, описываемые в «Разграничительной грамоте», абсолютно точно соответствуют ситуации, отраженной в договоре между Россией и Швецией, заключенном в Ореховце в 1323 г., когда двойная граница была установлена на севере по главным водоразделам. Первая граница между Ботническим и Финским заливами отделяла собственно шведскую территорию от общей (совместной), охватывающей две трети современной Финляндии. Вторая граница, между Ботническим заливом и Белым морем, таким же образом отделяла собственно новгородскую территорию от совместной.³

* Пока эта статья ждала выхода в свет, произошла большая потеря для русских и скандинавских историков — не стало И. П. Шаскольского. В течение последних пятнадцати лет меня связывали с Игорем Павловичем не только тесные научные контакты, но и близкие личные отношения, и о его потере я глубоко скорблю. Получилось так, что по многим историческим проблемам, которые нас обоих в равной степени интересовали, у нас с ним часто были противоположные точки зрения. Я не думаю, однако, чтобы это в какой-то степени мешало нам чувствовать взаимное уважение друг к другу. Предметом настоящей статьи как раз стала одна из точек зрения Игоря Павловича, с которой я никоим образом не могу согласиться. Ему это было известно, но, к сожалению, он уже никогда не получит возможности познакомиться с моей аргументацией в деталях и, возможно, выдвинуть свои контрдоводы.

¹ Другие списки более поздние и в данном случае нас не интересуют. Их перечень см.: *Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 43.*

² *Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152—53; Sverges Traktater I. Stockholm, 1877. S. 506—507.*

³ Подробная аргументация дана мною в кн.: *Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns // Skrifter utg av Svenska Litteratursällskapet i Finland 427: 2. Helsinki, 1991. Т. 2. Резюме на английском языке см.: S. 489—*

Хронологическая близость между датой рукописи, содержащей «Разграничительную грамоту», и заключением в 1326 г. договора между Новгородом и Норвегией дала повод скандинавским ученым связать «Разграничительную грамоту» с этим договором.⁴ В то же время русские исследователи, насколько я могу судить, единодушно присоединились к мнению И. П. Шаскольского, который связывал «Разграничительную грамоту» с другим договором — между королем Хаконом Хаконсоном и Александром Невским, который нам известен только по упоминанию в Саге о Хаконе Хаконсоне.⁵ Уже это само по себе — достаточное основание для того, чтобы вновь рассмотреть все аргументы. Еще одна причина: взгляд И. П. Шаскольского был принят В. Л. Яниным: «Документ ... является частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 г.»⁶ А это означает, что в новом издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова» текст будет опубликован как относящийся к договору 1251 г.⁷ Это было бы, на мой взгляд, принципиальной ошибкой.

Сначала несколько слов о тексте и о его древнейшем списке — 114а 4° коллекции Арнамагниани. В научном мире он стал известен, когда рукопись перешла в собственность Арни Магнусона, т. е. вскоре после 1714 г. В то время это была часть большого кодекса, называв-

496. Это продолжение книги: *Gallen J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns*. Helsinki, 1968. Vol. 1. См. также: *Лунд Дж. Х.* Русско-шведская граница по Ореховецкому (Nöteborg-Pähkinälinna) миру и политический статус севера Фенноскандии // *Средние века*. Т. 59 (в печати).

⁴ Латинский вариант договора в копийной книге XIV в. погиб во время пожара в Копенгагене в 1728 г. До пожара была сделана копия, использовавшаяся при изданиях текста: *Norges gamle Love III*. S. 151—52; *Sverges Traktater I*. S. 504—505; ГВНИП. 1949. S. 69—70. Именно с этого текста И. П. Шаскольский делал перевод на русский язык (Договоры Новгорода с Норвегией. С. 45—46). Но в Государственном архиве Дании существует еще и немецкий перевод (опубл. в кн.: *Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты. М., 1915. Вып. 1. С. 1—2), который практически не учтен при изданиях. Тем не менее И. П. Шаскольский утверждает, что немецкий перевод договора использован им при разночтениях. Различия между текстами минимальные. Но одно действительное разночтение И. П. Шаскольским не учтено и не процитировано. В том месте, где в латинском тексте читается: «Item hospites de Norvegia debent transire versus Nogard et Sauløke sine omni impedimento», немецкий текст дает чтение: «Item die fremde oder norwegische Kaufleute, sollen nach Neugarden und Sandlöcke reysen, one jemandesz Vorhinderung» (Также *иностранные гости* или гости из Норвегии должны без всякого препятствия ездить в Новгород и в Заволочье). Вероятно, эти слова были пропущены, когда делалась существующая сейчас латинская копия. Поскольку текст из копийной книги послужил, скорее всего, источником и для немецкого перевода, то это разночтение обязательно должно приводиться при новом издании договора.

⁵ *Hakonar Saga. Rerum Britannicarum Medii Ævi Scriptores. Icelandic Sagas*. London, 1887. Vol. 2. §271. P. 266—267; Английский перевод: London, 1894. Vol. 4. P. 277—278.

⁶ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. S. 82 (этот сюжет написан И. П. Шаскольским). См. также: *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 114—116.

⁷ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 5. Норвежский договор 1251 г. («Разграничительная грамота») упомянут здесь как один из примеров документа, пропущенного в ГВНИП, но который в новое издание непременно следует включить.

шегося «К». Кодекс К позже был разделен на пять отдельных рукописей.

Все основные почерки Кодекса К датировались обычно первой половиной XIV в. Такие исследователи XIX в., как П. А. Мунк и Г. Сторм, думали, что эти пять рукописей изначально составляли часть Кодекса К, так как они считали, что в рукописях встречается один почерк. Более того, Сторм идентифицировал этот почерк как принадлежащий известному писцу королевской канцелярии Ивару Аудунсону, который работал до 1335 г. Поскольку в некоторых из этих рукописей бросались в глаза юридические тексты, то Кодекс К называли «кодексом законов». Поскольку к тому же календарь Кодекса К оказался связанным с семьей Эрлинга Видкунсона, который был регентом при малолетнем короле Магнусе с 1323 по 1332 г., то считалось, что кодекс законов принадлежал Эрлингу Видкунсону. Следовательно, его можно было датировать более узко: 1320—1330 гг.

В дальнейшем этот вывод был принят всеми исследователями, изучавшими «Разграничительную грамоту», — как скандинавскими, так и русскими. Так, они повторены и В. Л. Яниным: «Документ... датированный П. Мунком по палеографическим признакам 1320—1330 гг., входил в состав пергаменного кодекса норвежских законов, принадлежавшего некогда Эрлингу, сыну Видкунда».⁸

Тем не менее многие предположения Мунка и Сторма были убедительно опровергнуты Анной Хольтсмарк еще 60 лет назад. Однако ее работа осталась незамеченной теми, кто изучал «Разграничительную грамоту», так как название книги «Слово против епископов» не показывало, что речь идет об этой самой рукописи.

Во-первых, проведенное Хольтсмарк палеографическое исследование показало, что теория Мунка и Сторма о встречающемся в разных частях рукописи одном почерке не имеет никаких оснований. Хольтсмарк обнаружила также явные признаки того, что пять рукописей, на которые сейчас разделен Кодекс К, первоначально были самостоятельными рукописями, а объединены были позже. Следовательно, содержание остальных четырех рукописей не может пролить свет на происхождение нашей «Разграничительной грамоты».

Из пяти самостоятельных рукописей, входящих в состав Кодекса К, наша рукопись последняя.

В этой рукописи мы находим сначала текст, касающийся границы между Норвегией и Швецией в провинции Jämtland Härjedalen, затем знаменитое «Слово против епископов» короля Сверра; третьей идет наша «Разграничительная грамота» и в конце помещен короткий гомилический текст.

Все эти тексты написаны разными почерками, которые Хольтсмарк датирует в первых двух случаях началом XIV в. Почерк «Разграничительной грамоты» Хольтсмарк называет «слегка моложе». По заключению исследовательницы, писец Ивар Аудунсон никакого участия в переписывании рукописи не принимал.

Поскольку календарь, упоминающий Эрлинга Видкунсона, находится в другой рукописи, то никакой связи между ним и «Разграничительной грамотой» нет. Так как наша рукопись не содержит ни одного

⁸ Там же. С. 82.

юридического текста, то и «Разграничительная грамота» не может рассматриваться как часть кодекса законов. Со своей стороны Хольтсмарк высказывает следующее предположение: так как в рукописи, содержащей «Разграничительную грамоту», все тексты, кроме последнего гомилического, касаются налогообложения, то эти тексты могли быть скопированы в королевской канцелярии в результате роста интереса к налогообложению, наблюдающегося с начала XIV в.⁹

Итак, «Разграничительная грамота» никогда не входила в состав кодекса норвежских законов и, наверное, никогда не принадлежала Эрлингу, сыну Видкунда, как сказано в книге «Новгородские акты».

Что касается датировки нашего текста, то мы можем исходить только из палеографического заключения Хольтсмарк о том, что он написан чуть более поздним почерком. Следовательно, наша «Разграничительная грамота» была написана около середины XIV в.

Рассмотрим теперь теорию И. П. Шаскольского о том, что «Разграничительная грамота» «является частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 г.».

Помимо хронологической близости между написанием «Разграничительной грамоты» и договора 1326 г., в нем содержались такие пункты, касающиеся границ между двумя странами, которые подтолкнули исследователей к мысли о связи между «Разграничительной грамотой» и договором. В частности, в последнем устанавливалось, что старые границы должны быть восстановлены. Договор, однако, оставлял норвежскому королю право устанавливать границы по его совести, пока не приехали русские послы; после чего они вместе фиксировали границы. В переводе И. П. Шаскольского этот пункт читается так: «Также, когда послы из Новгорода придут к королю Норвегии, они должны разделить земли соответственно старым границам и размежеваниям земель, по крестному целованию, так, чтобы каждый владел своей землей. Но это размежевание земли передаем Богу и королю Норвегии, чтобы он его провел по своей совести».¹⁰ Таким образом, «Разграничительная грамота» рассматривалась как возникшая вследствие этого пункта договора: или как одностороннее определение границы норвежским королем, или как результат соглашения о предстоящей общей норвежско-новгородской комиссии. Такой взгляд, как уже говорилось, был общепринятым в Скандинавии, хотя большинство исследователей соглашались с тем, что «Разграничительная грамота» отражает более старую ситуацию.¹¹

⁹ *Holtsmark A. En tale mot biskopene: En sproglig-historisk undersøkelse // Skrifter utg. av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Hist. Filos. Klasse. 1930. Oslo, 1931. № 9. S. 21ff.* Это последнее фундаментальное исследование рукописи. См. также: *Eriksson N. E. Det äldsta gränsdokumentet om Härjedalen och Jämtland AM 114a, 4° // Historisk Tidsskrift. 1984. Oslo, 1984. S. 384—415.*

¹⁰ *Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. С. 45. Латинский текст: «Item quando nuncii veniunt de Nograd ad regem Norvegie, debent dividere terras secundum antiquas terrarum signationes et divisiones per osculum crucis, sicut unusquisque tenetur habere terram suam. Istam autem divisionem terre committimus Deo ac regi Norvegie, qualiter ut velit dividat super animam suam».*

¹¹ *Holtsmark A. En tale mot biskopene. S. 33.* Тот же случай с Копе Селнесом, который, также не заметив выводов Хольтсмарк, написал краткую рецензию на статью И. П. Шаскольского 1970 г. (*Selnes K. Om den eldste norsk-russiske grensa // Historisk Tidsskrift. 1971. Oslo, 1971. S. 183—93.*)

В России, однако, И. П. Шаскольский в статье 1945 г. и в более поздних работах предложил другое решение, которое вскоре было принято русскими исследователями как непреложный факт.¹²

Вместо того чтобы связывать «Разграничительную грамоту» с договором 1326 г., исследователь связал ее с договором 1251 г. между королем Хаконсом Хаконсоном и Александром Невским, о котором упоминается в Саге о Хаконе Хаконсоне; а позже, как мы видели, он даже стал рассматривать текст документа как часть текста этого раннего договора.

И. П. Шаскольский начинает свою аргументацию с совершенно правильного утверждения, что договор 1326 г. не был первым между этими двумя странами. Далее он пишет: «Из всего текста [Разграничительной] грамоты явствует, что в ней отношения в пограничных землях регламентируются впервые. Основанием для установления границ являются не какие-нибудь предшествующие соглашения, не предшествующие отношения между двумя государствами, а слова „старых людей“, „старых поселенцев“ и саамов. Очевидно, что никаких соглашений и вообще никаких отношений между Норвежским и Новгородским государствами до тех пор не существовало».

Вслед за этим И. П. Шаскольский предполагает, что границы, упоминаемые в договоре 1326 г., в противоположность границам «Разграничительной грамоты» — другой природы и больше уже не отражают наложенных друг на друга пределов сбора дани, как это было в «Разграничительной грамоте». По его собственным словам, «в договоре 1326 г. дается четкое понятие государственной границы, разделяющей территории обеих держав. В тексте „Разграничительной грамоты“, понятия государственной границы еще не существует. Здесь говорится лишь о границах сбора дани».

Эта новая территориальная граница проходила, по мнению И. П. Шаскольского, примерно в том же регионе, что и современная. Ученый приходит к следующему выводу: «Итак, текст „Разграничительной грамоты“ написан задолго до 1326 г. и отражает начальный этап русско-норвежских отношений, является, по-видимому, их первой регламентацией».¹³ Следовательно, И. П. Шаскольский связывает этот текст с договором 1251 г. Статью он закончил тем, что охарактеризовал свою интерпретацию как «гипотезу».¹⁴ Но в статье 1970 г., специально посвященной договору 1326 г., «гипотеза» уже превратилась в факт.¹⁵

В этой статье И. П. Шаскольский повторяет свои положения, но к этому прибавлен новый элемент — относительно языка подлинника договора 1326 г. «Однако трудно предположить, — пишет он, — что норвежские представители, заключая договор, стали составлять его текст не на своем национальном языке. Известно, что все сохранившиеся

¹² Шаскольский И. П.: 1) Договоры Новгорода с Норвегией. С. 38—61; 2) Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Т. 15. С. 63—71.

¹³ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. С. 53—54.

¹⁴ Там же. С. 61.

¹⁵ Если «договор 1326 года — старейший полностью сохранившийся до наших дней договор», то «известно существование одного еще более раннего договора, но текст его сохранился лишь частично». См.: Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 года. С. 63, примеч. 1. См. также: Шаскольский И. П. Судьба государственного архива великого Новгорода // ВИД. Л., 1972. Т. 4. С. 218, примеч. 13.

договоры Новгорода с западными государствами были составлены на русском языке и на национальном языке другой договаривающейся стороны: договоры с немецкими городами — на немецком языке, договоры со Швецией — на шведском языке (т. е. Ореховецкий договор 1323 г.! — *Дж. Л.*), судя по сохранившемуся фрагменту, первый договор Новгорода с Норвегией был составлен на норвежском языке». ¹⁶

Это удивительная добавка. Вот что И. П. Шаскольский писал несколькими годами позже по поводу именно Ореховского мира, заключенного на три года раньше, в 1323 г., между Новгородом и тем же королем Магнусом, теперь уже шведским королем. «Поскольку в дипломатической практике средневековой Швеции все международные договоры с шведской стороны писались не на родном, а на латинском языке (на международном языке того времени), составленный в Ореховце русский текст, видимо, тогда же перевели на латинский язык, и русской стороне должны были вручить экземпляр на латинском языке». ¹⁷

Почему появилась эта удивительная добавка? Что заставило ученого сделать такое сомнительное предположение, которому он сам противоречил в 1987 г. Кажется, причина заключается в том, что у И. П. Шаскольского появилась неуверенность в правильности его перевода текста с латыни на русский. При переводе текста он постоянно использовал выражение «старые границы» для латинского «antiquae terrarum signationes». Уже само выражение «старые границы» является проблемой для теории И. П. Шаскольского. Так, он пишет: «Нам известно, что во время заключения предшествующего русско-норвежского договора — 1251 г. — территориальной границы еще не было, тогда между территориями обоих государств лежали пространства „общего округа“. Следовательно, граница установилась в период между 1251 и 1326 гг. и еще не была утверждена договором между правительствами обеих держав». Данный временной промежуток слишком мал для того, чтобы называть «старыми границами» тот новый тип границы, который предложен исследователем.

¹⁶ Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 года. С. 64—65.

¹⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 99—104. Но, по словам И. П. Шаскольского, «по непонятным причинам» экземпляр договора, который русские в 1537 г. показали и разрешили шведским послам сделать список, оказался копией не латинского, а шведского текста договора. Поэтому, как пишет И. П. Шаскольский, «может возникнуть сомнение: а существовал ли вообще в России латиноязычный экземпляр Ореховецкого договора?» Его рассуждения по этому поводу представляются мне ошибочными. Более подробно см. сн. 2 в статье: *Линд Дж. Х.* Русско-шведская граница по Ореховецкому (Noteborg-Pähkinälinna) миру...

Тот факт, что в 1323 г. русские получили не латинский, а шведский вариант договора, еще не доказывает правоты мнения И. П. Шаскольского о языке договора 1326 г. Если мы допускаем, что и в 1323 и в 1326 гг. использовалась одна и та же процедура, то тогда норвежская сторона должна была бы получить русский оригинал с приложенным латинским переводом, а русская сторона должна была бы получить норвежский текст. Поскольку наш текст норвежского происхождения, то мы должны были бы ожидать, что входящий в копиянную книгу того времени текст непременно будет на латыни. Надо заметить, что Норвегия уже в 1250 г. в договоре с Любеком использовала латинский язык (см.: *Diplomatarium Norvegicum V. Christiania*, 1861. № 4. P. 4).

Но в 1970 г. И. П. Шаскольский уже понял, что «*antiquae terrarum signationes*» латинского текста более правильно переводить как «древние границы». Это выражение в отличие от «старых границ» подходит для отметок не в несколько десятков лет, а в несколько столетий.

Это, конечно, лишает его теорию силы. Но вместо того чтобы отказаться от нее, признав ошибку, И. П. Шаскольский высказывает предположение, что утерянный оригинал был написан по-норвежски, и возлагает вину на предполагаемого переводчика, в самом существовании которого в книге 1987 г. он уже сомневается. Исследователь пишет, что латинский текст «скорее принадлежит не руке его первоначального составителя, а руке случайного переводчика, не знавшего существа главного вопроса, о чем идет речь в договоре; в латинском тексте для обозначения старых границ между государствами употреблен неточный термин „*antiquae terrarum signationes*“, буквально означающий 'древние границы', тогда как границы эти существовали всего несколько десятилетий, а не столетий, и потому древними составителями текста договора назвать их не могли; видимо, в подлиннике стояло норвежское слово *gamle*, которое могло быть переведено и как 'старые', и как 'древние', а переводчик, не зная существа вопроса, избрал второе решение». Я не могу не поддаться искушению изменить последнюю фразу: «а переводчик, не зная гипотез И. П. Шаскольского, избрал второе решение».

Подход И. П. Шаскольского представляется мне недопустимым. Теория, которая держится не только на предположении, что утерянный оригинал был на другом языке, но и требует, чтобы этот оригинал был переведен с ошибкой, вряд ли обладает большим весом.

Обращаясь к реальным текстам, я не могу проследить ни одного признака того, что авторы договора 1326 г. имели в виду какой-нибудь иной тип границы, чем та, которая в «Разграничительной грамоте» в переводе И. П. Шаскольского выступает как «вот границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов».¹⁸ Если бы текст не продолжался дальше, ясно показывая, что эти границы на самом деле были перекрывающимися друг друга фискальными зонами, то у нас не было бы никаких причин интерпретировать их иначе, чем границы договора 1326 г. Единственная разница, которую можно заметить: в договоре 1326 г. нет сходного дополнения к тексту. Такое дополнение было вручено норвежскому королю или совместной комиссии.

В заключение я хотел бы вернуться к основному, первому аргументу И. П. Шаскольского, на котором он изначально строил свою теорию. «Разграничительная грамота», давая сведения о границах, ссылается не на какие-нибудь предшествующие соглашения между двумя государствами, а на слова «старых людей», «старых поселенцев» и саамов. По И. П. Шаскольскому, это значит, что никаких соглашений и вообще никаких отношений между Норвежским и Новгородским государствами до тех пор не существовало.

Следуя этой логике, можно говорить, что обилие документов XVI в. в Шведском государственном архиве является доказательством того, что между Россией и Швецией не существовало более раннего договора, касающегося соответствующей границы. В этих документах шведские

¹⁸ Норвежский текст: «Pessor enda merke ero millim Noregs konogh's rikis ok Ruza kononghs».

чиновники рассказывают о результатах своих изысканий после того, как они были посланы королем расспрашивать старых людей о границе на севере.¹⁹ Но в данном случае нам хорошо известно, что договор был заключен еще в 1323 г. и с тех пор много раз подтверждался. Дело в том, что при тех условиях, которые существовали в средние века в удаленных от политических центров регионах, чиновникам всегда приходилось полагаться на местных жителей, особенно на стариков. Если в их регионе проходила государственная граница, то часто они были единственными людьми, точно знавшими ее направление. Если существовал более ранний договор, называющий какие-то пограничные пункты, то все равно в 1326 г. норвежский король или общая норвежско-новгородская комиссия точно так же должны были бы опираться для точности на слова старых людей, чтобы восстановить старые границы. В результате этого должен был появиться именно такой текст, какой мы находим в «Разграничительной грамоте». Таким образом, этот аргумент, по моему мнению, не имеет силы.

На уровне общесторического также трудно понять, почему правительства Норвегии и Новгорода в XIV в. неожиданно начали бы использовать понятие государственной границы в современном понимании в дополнение к границе сбора дани. Никакой необходимости в такой территориальной границе не было. В XIV в. в том регионе, где И. П. Шаскольский пытается провести свою государственную границу, лишь норвежцы имели оседлое население внутри границ сбора налогов.²⁰ Русские поселились здесь позднее, в XVI в., в результате монастырской колонизации Ледовитого океана. Только тогда вопрос о территориальной границе в регионе стал серьезным в отношении между Данией—Норвегией и Россией.²¹ И в это время представители обеих сторон еще знали о старых границах сбора даней. Но в противоположность этому никто не указывал расположения старой государственной границы. В начале XVII в. этот вопрос стал менее срочным из-за более важных проблем, возникших в других регионах; а фиксация территориальной границы осталась открытой. Она была установлена значитель-

¹⁹ Некоторые из таких документов опубликованы в кн.: *Gallén J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns*. Vol. 1. S. 224—225, 232—235.

²⁰ Возможно, это служит объяснением, почему первый пункт — единственный в этом договоре — является односторонним. В переводе И. П. Шаскольского этот пункт читается так: «Где простираются земли и воды короля Норвегии, там норвежцы имеют право ездить, обитать и признавать за свои земли и воды, соответственно старому осмотру, границе или размежеванию». В этом случае договор недвусмысленно узаконивает норвежскую колонизацию совместной территории. Точно таким же представляется и случай в Ореховецком договоре 1323 г. Уже в 1327 г. на шведскую колонизацию общей территории вдоль побережья Ботнического залива в Норботене была дана официальная санкция. Поскольку со стороны Новгорода она не вызвала никакого протеста, то это не может рассматриваться как нарушение договора.

²¹ Похоже, что И. П. Шаскольскому оказалось трудно объяснить необходимость существования границы в XIV в. на месте нынешней границы. Так, допуская, что норвежская колонизация к началу XIV в. распространилась до побережья Варангер-фьорд, он может только осторожно предполагать: «Видимо, на берегу Варангер-фьорда норвежское продвижение встретилось с каким-то движением с противоположной стороны» (см.: *Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 года*. С. 69).

но позже — в 1826 г., и разделила территории русского и норвежского оседлого населения.²²

Гипотеза И. П. Шаскольского о связи между договором, заключенным в 1251 г., и «Разграничительной грамотой» не только маловероятна теоретически, но и не находит подтверждений в источниках. На мой взгляд, более правдоподобна возможность того, что «Разграничительная грамота» связана или с односторонним определением норвежского короля, или с результатами предположительного совместного норвежско-новгородского решения. Или же текст может быть вообще не связан ни с какими договорами и, как предполагала Анна Хольтсмарк, мог оказаться записанным в результате увеличившегося интереса к налогообложению в королевской канцелярии. Во всяком случае, «Разграничительная грамота», вероятнее всего, отражает ситуацию, которая существовала в течение долгого времени и возникла прежде того, как карелы стали новгородскими подданными, т. е. и до договора 1251 г.

Хотя «Разграничительная грамота», вне всякого сомнения, должна быть включена в новое издание Грамот Великого Новгорода и Пскова, было бы фундаментальной ошибкой включать текст под 1251 г. как часть этого договора. Текст должен быть опубликован или по датировке рукописи (т. е. первая половина—середина XIV в.), или как приложение к договору 1326 г., как это было сделано в фундаментальном шведском издании «Sverges Traktater».

²² Lind J. Nordkalotten: Fra Almindig til Statsterritorier: Konflikter og Forvirring omkring Grænserne ved Ishavet i 1500-tallet. Svantevit, 1993.